
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

САМНЕР У.Г. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ (Избранные фрагменты).
(Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: нравы; этология; массы; классы; обычный человек; институты; обыкновения; ритуал; мощь; право; условности; конвенционализация.

Для цитирования: Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 4. – С. 110–132.

Перевод поступил: 15.01.2025.

Принят к публикации: 10.02.2025.

SUMNER W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)

Keywords: mores; ethology; masses; classes; common man; institutions; usages; ritual; might; right; conventions; conventionalization.

For citation: Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 4. – P. 110–132.

Received: 15.01.2025.

Accepted: 10.02.2025.

¹ Окончание. Начало см. в предыдущих номерах журнала.

Перевод сделан по: Sumner W.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. – Boston: Ginn & Company, 1906. – P. 36–38, 39, 45–47, 47–48, 50–51, 53–55, 56–58, 59–62, 65–66, 68–70, 76–77, 78–80, 84–85.

**Глава 1. Фундаментальные понятия
народных обычаев и нравов
(окончание)**

42. Задача этого труда. Слово «этология» было бы подходящим термином для изучения манер, обычаев, обыкновений и нравов, в том числе изучения того, как они формируются, как они растут или увядают и как они воздействуют на интересы, которым призваны служить. Греки применяли термин «этос» к совокупности характерных обыкновений, идей, стандартов и кодексов, посредством которых группа индивидуализировалась по характеру и дифференцировалась от других групп. «Этикой» были вещи, относящиеся к этосу, и, следовательно, вещи, служившие мерилom правильного. Римляне употребляли термин «*mores*» по отношению к обычаям в самом широком и богатом смысле слова, включая представление о том, что обычаи служат благополучию, имеют традиционную и мистическую санкцию и являются, соответственно, в должной мере авторитетными и священными. Весьма удивительно то, что современные нации, должно быть, утратили эти слова и те значимые внушения, которые в них содержатся. В английском языке нет существительного, производного от «*mores*», и никакого его эквивалента. Французское слово «*mœurs*» тривиально по сравнению с «*mores*». Немецкое *Sitte* отображает «*mores*», но очень несовершенно. Современные народы сделали мораль и нравственность отдельной областью, стоящей в ряду с религией, философией и политикой. В этом смысле мораль – невозможная и нереальная категория. Она не имеет существования и не может его иметь. Слово «моральный» означает то, что принадлежит или относится к «*mores*». Соответственно, категорию морали никогда невозможно определить без соотнесения с чем-то внешним по отношению к ней. Этика, потеряв связь с этосом народа, становится попыткой систематизировать текущие понятия о правильном и неправильном на основе какого-то базового принципа, обычно с целью установить моральные правила на основе абсолютной доктрины, так чтобы они были универсальными, абсолютными и вечными. Также обычно, когда бы какую-то вещь ни называли моральной или ни связывали с каким-то этическим обобщением, она мыслится «возвышенной», и спорщики, метод которых состоит в использовании этических общих понятий, допускают за собой и своими взглядами особый авторитет. Эти методы обсуждения чаще всего используются в отношении социальных тем, и для трез-

вого изучения фактов они разрушительны. Они помогают удерживать социальные науки под владычеством метафизики. Злоупотребление ими особенно развилось в связи с политической экономией, у которой почти украли характер серьезной дисциплины, превратив ее дискуссии в этические изыскания.

43. Почему используется слово «*mores*» (нравы). «Этика» в греческом смысле или «этология», как мы ее выше определили, были бы хорошими названиями для нашей работы. Мы стремимся изучить этос групп, чтобы увидеть, как он возникает, его власть и влияние, способы его воздействия на членов группы и разные его атрибуты (*ethica*). «Этология» – малоизвестное слово. Его использовали для обозначения способа представления манер, обычаев и нравов в сатирической комедии. Латинское слово «*mores*» в целом выглядит для нас с практической точки зрения более удобным и пригодным, чем любое другое, для обозначения народных обычаев с воплощенными в них коннотациями правильности и истины в отношении благополучия. Анализ и определение, приведенные выше, показывают, что в нравах мы должны видеть доминирующую силу истории, составляющую условие того, что может делаться и какие методы при этом могут быть использованы.

44. Нравы как направляющая сила. Конечно, изложенная позиция антагонистична воззрению, что творческими и определяющими силами в обществе и истории являются философия и этика. Это воззрение идет к нам от греческой философии и на данный момент так долго преобладает, что все нынешние обсуждения под него подстраиваются. Философия и этика практикуются как независимые дисциплины, и полученные ими результаты вносятся в науку об обществе, государственное дело и законотворчество как авторитетные наставления. У нас есть также *Völkerpsychologie*, *Sozialpolitik* и другие опосредующие формы, демонстрирующие борьбу метафизики за удержание контроля над наукой об обществе. «Исторический смысл», *Zeitgeist* и другие схожие по значению термины – это частичные признания нравов и их важности для науки об обществе. Ниже мы с вами увидим, что философия и этика – продукты народных обычаев. Они извлекаются из нравов, но никогда не бывают оригинальными и творческими; они вторичны и производны. Они часто вторгаются во вторую стадию последовательности «акт – мысль – акт». В этом случае они приносят вред, но закладывается некоторая основа для притязания на то, что они имеют творческий или, по крайней мере, регулятивный характер. На самом деле реальный процесс в больших совокупностях людей –

не процесс дедукции из какого-то великого принципа философии или этики. Это процесс мелких попыток благополучно жить при существующих условиях, которые без конца повторяются большим числом людей, черпая силу в привычке и в товариществе единого действия. Возникающие отсюда народные обычаи становятся принудительными. Все вынуждены им соответствовать, и народные обычаи владеют над общественной жизнью. Тогда они кажутся истинными и правильными и возводятся в нравы как норма благополучия. Отсюда создаются верования, идеи, доктрины, религии и философии, соответственно ступени цивилизации и способом рефлексии и обобщения.

46. Нравы подгрупп. У каждого класса или группы в обществе свои нравы. Это касается чинов, профессий, промышленных классов, религиозных и философских сект и всех иных общественных подразделений. Индивиды одновременно состоят в двух или более подобных группах, что обеспечивает компромисс и нейтрализацию. Другие нравы общие для всего общества. Кроме того, нравы могут передаваться от одного класса к другому...

52. Массы и нравы. В связи с нравами очень большое значение имеют массы. Историческими, или избранными классами являются те, которые в истории контролировали деятельность и политику целых поколений. Они отличались в одно время по одному стандарту, в другое время – по другому. Положение, которое они занимали, унаследовав от раннего общества, давало им престиж и авторитет. Заслуги и общественная ценность, по стандартам их времени, входили в их статус лишь понемногу и случайно. У этих классов были собственные нравы. Они имели власть управлять собственной жизнью в какой-то степени в соответствии с собственным выбором; современные цивилизованные люди страстно желают этой способности и борются за нее прежде всего стяжанием богатства. Исторические классы, следовательно, отбирали цели и изобретали способы их достижения. Их обычаи находили подражание в массах. Классы прокладывали путь в роскоши, легкомыслии и пороке, а также в рафинированности, культуре и искусстве жизни. Они вносили изменчивость. Массы – не крупные классы в основании социальной пирамиды; это ядро общества. Они консервативны. Они принимают жизнь такой, какой ее застают, и живут по традиции и привычке. Иными словами, значительная масса людей в любом обществе живет чисто инстинктивной жизнью, подобно животным. Консерватизм каст и аристократий, которые противятся изменению обычаев и институтов ввиду того,

что те составляют основу их господства, не должен вводить нас в заблуждение. Консерватизм масс иного рода. Он не проистекает из интересов, он инстинктивен. Он обусловлен инертностью. Изменение потребовало бы новых усилий для восстановления рутины и привычки. Оно, следовательно, обременительно. Более того, массам не свойственно тянуться к «усовершенствованиям»; они лишены способности поэтапно планировать изменение, за счет которого их потребности могли бы быть удовлетворены лучше. Нравы любого общества в некоторый период характеризуются либо готовностью, либо нежеланием масс подражать обычаям классов. Для историка вопросом первостепенной важности является то, проникали в массы нравы тех исторических классов, которые он обнаруживает по сохранившимся документам, или нет. Реальные носители нравов общества – массы. На них держится традиция. Народные обычаи – это их обычаи. Они принимают влияние или лидерство, и они подражают, но делают это так, как их устраивает, руководствуясь своими ранее приобретенными понятиями и вкусами. Они могут воспринимать стандарты характера и действия от классов и от чужаков, из литературы и новой религии, но что бы они ни перенимали, все это ими ассимилируется и входит составной частью в их нравы, которые они по традиции передают, целостность которых они защищают и от которых никак не соглашались отказаться. Стало быть, писательство литературного класса может вообще не представлять верования, понятия, вкусы, стандарты и т.д. масс. Литература первых христианских столетий вряд ли показывает нам хоть что-то из нравов того времени, как они существовали в вере и практике масс. Каждая группа отбирает из предлагаемой ей новой религии только то, что может слиться с собственными традиционными нравами. Христианство было очень разным среди евреев, египтян, греков, германцев и славян. Было бы большой ошибкой предполагать, что какой-либо народ когда-либо воспринимал и исповедовал философское или религиозное учение в том виде, в каком оно ему предлагалось и в каком мы находим его документированным в книгах учителей. Нравы масс совершенно не допускают внезапных и массивных их модификаций доктринальным учением. Процесс освоения медленный, и на каждом этапе он сопровождается модифицирующими влияниями. То, что принимают классы, – неважно, хорошее или дурное, – можно обнаружить спустя поколения проникшим в массу, но тогда оно предстанет как результат всех превратностей народных обычаев промежуточного периода. «Самой пугающей чертой испорченно-

сти древнего Рима было то, что она проникла во все классы общества¹. «Как в эпоху Возрождения, так и сейчас <в католической реакции> порок просачивался сверху вниз, пропитывая своим вирусом массу людей»². Именно классы производят изменчивость; именно массы переносят в будущее традиционные нравы.

54. Действие масс на мысли. Полстолетия назад Дарвин внес в общий фонд кое-какое знание. Крестьяне и ремесленники его времени ничего такого не сделали. Что делают с мыслями массы, так это обтачивают и ровняют их в точности подобно тому, как берут монеты с монетного двора и обтачивают их изнашиванием, пока те не станут просто металлическими дисками. Массы понимают, например, что Дарвин сказал, что «люди произошли от обезьян». Лишь суммарные и сглаженные положения такого рода могут когда-нибудь получить хождение. Ученые люди все время пытаются перечеканить их и придать им хотя бы частичную реальность. Рескин запустил ряд понятий художественной критики, проникших во все наши образованные классы. Они ничуть не потеряны, но смотрите, что стало с ними после пятидесяти лет популяризации. Чуть позже было опубликовано новое евангелие мебели и домашнего декора. Массы впитали его. Смотрите, что они с ним сделали. Истлейк не хотел никакого машинного труда, но машины было не победить. Они могут делать кривобокие вещи, если в моде такие, и могут делать из всего строительства шоу, если Истлейк внедрил в толпу представление, что колышки должны быть снаружи. Мышление и понимание – слишком трудная работа. Если кто-то хочет заклеить массы, то пусть взглянет на себя. Он обнаружит, что обдумывает и понимает только свое интеллектуальное дело. Он не мог уделить силы каждому другому отделу знания. В других вопросах он просто один из массы и поступает так же, как она. Он использует рутину, установленные формулы, расхожие фразы, подхваченные из журналов и газет превосходящего класса.

57. Обычный человек. Каждое цивилизованное общество должно нести под нижними частями масс балласт невежества, бедности, преступности и нездоровья. Каждое такое общество имеет в большой центральной части масс значительное количество

¹ *Lecky W.E.H.* History of European morals from Augustus to Charlemagne. – New York: D. Appleton & Company, 1895. – Vol. 1. – P. 262.

² *Symonds J.A.* Renaissance in Italy: the Catholic reaction. – London: Smith, Elder, & Co., 1886. – Part 1. – P. 455.

тех, кто нейтрален во всех вопросах общественной политики. Они живут рутинной и традицией. Они не брутальны, но неглубоки, ограничены и отягощены предрассудками. Тем не менее они безвредны. Им недостает инициативы, и они не могут дать импульс хорошему или плохому. Из их рядов выходит мало преступников. Иногда они могут быть движимы призывами к их закостенелым идеям и предрассудкам. В их нравах на них воздействует заражение от вышестоящих классов. Работа «популяризации» состоит в вызывании этого заражения. Средняя часть образуется вокруг математического среднего общества или вокруг математической моды, если распределение подразделений несимметрично. Человек на уровне моды – это «обычный человек», или «средний человек», или «человек с улицы». Между ним и демократическими политическими институтами – трибуной, газетами и публичной библиотекой – происходит постоянная реакция, посредством которой нравы модифицируются и сохраняются. Цель всех институтов и литературы в современном государстве – ублажить его. Его цель – извлечь из них то, что его устроит. Желтая пресса процветает и вытесняет всю прочую, потому что она ему нравится. Дрянные романы хорошо продаются, потому что они нравятся его жене и его дочерям. Реклама в популярных журналах адресована ему. Она показывает ему, чего он хочет. «Забавные материалы» подогнаны к его чувству юмора. Следовательно, все эти вещи – симптомы. Они показывают, во что он «верит», и они укрепляют его предрассудки. Если все искусство, литература, законодательство и политическая власть брошены к его ногам, то имеет значение, кто он такой и что он собой представляет. Его часть общества определяет нравы целого.

61. Нравы и институты. Из нравов возникают институты и законы. Институт состоит из концепта (идеи, представления, доктрины, интереса) и структуры. Структура – это каркас, аппарат или, возможно, всего лишь несколько функционеров, собранных для того, чтобы они предписанными способами сотрудничали в некотором соединении. Структура поддерживает концепт и обеспечивает его средствами для воплощения в мире фактов и для действия, служащего интересам всех членов общества. Институты бывают либо вырастающими (*crescive*), либо введенными в действие (*enacted*). Они вырастают, когда обретают форму в нравах; их рост осуществляется за счет инстинктивных усилий, посредством которых производятся нравы. В этом случае усилия в силу долгого употребления становятся определенными и специфичными. Са-

мыми первичными институтами являются собственность, брак и религия. Они имели начало в народных способах действия. Они стали обычаями. Они развились в нравы путем добавления некоторой философии благополучия, пусть даже простой и необработанной. Затем они делались более определенными и специфичными в отношении правил, предписанных действий и используемого аппарата. Это производило структуру, и институт обретал завершенность. Институты, вводимые в действие, – продукты рационального изобретения и намерения. Они свойственны высокоразвитой цивилизации. Банки – это институты кредита, основанные на обыкновениях (usages), которые можно проследить до эпохи варварства. Приходило время, когда направляемые рациональным обдумыванием опыта люди начинали систематизировать и регулировать вошедшие в обиход обыкновения и тем самым создавали положительные институты кредита, определенные правом и санкционированные силой государства. Введенные институты в чистом виде, которые были бы крепки и процветали, трудно найти. Слишком трудно изобрести и создать институт для какой-то цели из ничего. Примером служит коллегия выборщиков в конституции Соединенных Штатов. В этом случае демократические нравы народа ухватились за данный инструмент и сделали из него нечто совершенно отличное от того, что планировали изобретатели. Все институты вышли из нравов, хотя рациональный элемент в них иногда столь велик, что их происхождение в нравах не улавливается иначе, кроме как с помощью исторического исследования (законодательные органы, суды, жюри присяжных, акционерные компании, фондовая биржа). Собственность, брак и религия до сих пор почти целиком укоренены в нравах. Среди естественных людей любой мужчина мог захватить и удерживать какое-то время женщину, если ему удастся. Он делал это благодаря превосходству в силе, которое было собственным высшим оправданием. Но его акт вовлекал его группу и ее группу в войну и причинял вред его товарищам. Поэтому они запрещали захват или устанавливали условия для него. Вне этих пределов индивид мог еще использовать силу, но его товарищи уже не были за это ответственными. Если он преуспевал, слава его могла все больше расти. Его контроль над пленниками был абсолютным. В рамках предписанных условий «пленение» стало техническим и институциональным, и из него выросли права. У женщины был статус, определенный обычаем, и он очень отличался от статуса настоящего пленного. Брак был институциональной связью – в обществе и с его санкции – между

женщиной и мужчиной, где женщина была обретена предписанным образом. Тогда она была «женой». То, какими были ее права и обязанности, определялось нравами, как это имеет место и сегодня во всяком цивилизованном обществе.

63. Чем законы и институты отличаются от нравов.

Когда народные обычаи становятся институтами или законами, они меняют свой характер, и их следует отличать от нравов. В нравах заложен элемент чувства и веры. Законы и институты имеют рациональный и практический характер, они более механичны и утилитарны. Большая разница состоит в том, что институты и законы имеют положительный характер, тогда как нравы остаются несформулированными и неопределенными. В народных обычаях неявно заключена некоторая философия; когда она делается эксплицитной, она становится философией в специальном смысле. Взятые с объективной стороны, нравы – это обычаи, действительно способствующие благополучию при существующих жизненных условиях. Действия в подчинении законам и институтам – осознанные и волевые; в подчинении народным обычаям они всегда неосознанны и невольны и, стало быть, имеют характер естественной необходимости. Просвещенная рефлексия и скептицизм могут разрушить эту спонтанную связь. Законы, будучи позитивными предписаниями, вытесняют нравы по мере их принятия. Отсюда следует, что нравы вступают в действие тогда, когда не срабатывают законы и трибуналы. Нравы покрывают собой огромную область общей жизни, где нет законов и полицейских регуляций. Они охватывают бескрайнюю и неопределенную область и прокладывают путь в новых областях, еще никак не контролируемых. Следовательно, нравы выстраивают с течением времени новые законы и полицейские регуляции.

64. Разница между нравами и некоторыми родственными вещами. Продукты целенаправленного исследования или рациональной осознанной рефлексии, официально одобренные добровольными ассоциациями проекты, сознательно отбираемые рациональные методы, запреты и предписания властей и все специфические конвенциональные упорядочения не относятся к нравам. Их отличает заложенный в них рациональный и сознательный элемент. Мы можем также провести различие между обычкновениями (*usages*) и нравами. Обыкновения – это народные обычаи, не содержащие принципа благополучия, но служащие удобству, пока все знают, чего от них ожидать. Например, восточные люди, чтобы выказать уважение, прикрывают голову и открывают ноги;

западные люди поступают наоборот. Нет неразрывной и необходимой связи между уважением и любым из этих обыкновений, но есть преимущество в том, чтобы какое-нибудь обыкновение было и чтобы все его знали и придерживались. Один способ так же хорош, как и другой, если он понятен и установлен. Народные обычаи, касающиеся благопристойности, принадлежат к нравам, поскольку имеют реальную связь с благополучием, определяющую единственный смысл, который они могут иметь. Народные обычаи в отношении приличия и скромности иногда чисто конвенциональны, а иногда сугубо реальны. Моды, причуды, аффектации, позы, идеалы, мании, массовые заблуждения, безрассудства и пороки должны быть включенными в нравы. У них есть характерные качества и характерный эффект. Какими бы легкомысленными или глупыми они ни казались людям другой эпохи, они имеют форму попыток благополучно жить, удовлетворять какой-то интерес или достигать какого-то блага. Способы поведения рекламщиков, которые преувеличивают, используют хитрости для привлечения внимания и вызывают к народной слабости и глупости; методы журналистики; методы проведения предвыборных кампаний; ораторские и дифирамбические экстравагантности в политике; расхожие методы шарлатанства и погони за сенсациями – не часть собственно нравов, а их симптомы. Это не продукты сходящихся и кооперативных попыток всех членов общества жить хорошо, а созданные с умышленной изобретательностью инструменты для оказания внушающего воздействия на умы других. По отношению к верованиям, понятиям, вкусам, желаниям и т.д. данного общества данного времени нравы являются скорее основополагающими фактами, к которым все эти способы действия вызывают и свидетельством существования которых они являются.

66. Более точное определение нравов. Теперь можно сформулировать более полное определение нравов. Это способы делания, которые в данный момент в обществе удовлетворяют людские потребности и желания, вместе с верованиями, понятиями, кодексами и стандартами благополучной жизни, которые заключены в этих способах, имея с ними родовую связь. Благодаря последнему элементу нравы являются чертами в специфическом характере (это́се) некоторого общества или эпохи. Они пронизывают и контролируют способы мышления во всех жизненных нуждах, возвращаясь из мира абстракций в мир действия, дабы дать руководство и вновь подтвердить свою живость. «Нравы <*Sitten*> служат регуляторами политического, социального и религиозного поведе-

ния индивида до всякого начала рефлексии. Осознанная рефлексия – худший враг нравов, потому что нравы рождаются неосознанно и преследует несознаваемые цели, часто узнаваемые рефлексией лишь после долгих и окольных процессов, и потому что их целесообразность часто держится на допущении, что они будут иметь общее принятие и хождение без вмешательства рефлексии»¹. «Нравы – это в любой группе обыкновение, насколько оно, с одной стороны, не является выражением или исполнением абсолютной естественной необходимости <например, еды или сна> и, с другой, не зависит от случайной воли индивида и обычно воспринимается как благое и правильное, подходящее и достойное»².

67. Ритуал. Процессом, через посредство которого развиваются и утверждаются нравы, является ритуал. Ритуал настолько чужд нашим нравам, что мы не распознаем его могущество. В примитивном обществе это преобладающий метод деятельности, и примитивная религия всецело состоит в ритуале. Ритуал – это совершенная форма упражнения и регулируемой привычки, приходящей от упражнения. Действия, предписанные авторитетом и механически повторяемые без обдумывания, переходят в ритуал. Если младенцы и дети подчинены ритуалу, то они никогда на протяжении всей жизни не уходят от его воздействий. Гальтон говорит, что в ранней юности находился в контакте с магометанской ритуальной идеей, что левая рука уступает в достоинстве правой, и так никогда от нее и не избавился³. Мы видим воздействие ритуала в воспитанности, уходевании, вежливости и во всех формах предписанного поведения. Этикет – социальный ритуал. Ритуал – это не принужденное следование обыкновению; это строгое следование детально и тщательно продуманному правилу. Он не допускает никаких исключений или отклонений. Чем строже дисциплина, тем больше власть ритуала над действием и характером. В дрессировке животных и воспитании детей значимы совершенство, неизбежность, неизменность и непреложность рутины. Они никогда не должны переживать в опыте никаких исключений или неправильностей. Ритуал соединен со словами, жестами, символа-

¹ Hartmann E. von. Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins: Prolegomena zu jeder künftigen Ethik. – Berlin: Carl Duncker's Verlag, 1879. – S. 73.

² Lazarus M. Ueber den Ursprung der Sitten // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. – 1860. – Bd. 1. – S. 439.

³ Galton F. Inquiries into human faculty and its development. – London: Macmillan and Co., 1883. – P. 216.

ми и знаками. Отсюда возникают ассоциации, и при повторении сигнала действие повторяется, согласна с этим воля или нет. Ассоциация и привычка дают объяснение этих явлений. Ритуал обретает дополнительную силу, когда он ритмичен, и потому связан с музыкой, стихами или другими ритмическими искусствами. Действия ритуально повторяются при повторении ритмических точек. Чередование ночи и дня создает ритмы бодрствования и сна, труда и отдыха одновременно для множества людей в их борьбе за существование. Времена года также создают ритмы в работе. Ритуал может воплощать идею полезности, целесообразности или благополучия, но он всегда стремится стать поверхностным, а идея – всего лишь подсознательной. Есть ритуал в примитивном врачевании, и до самых недавних пор он сохранялся. Пациенту велели не только принимать лекарства, но и выполнять обряды. Обрядами приносились мистические элементы. Это иллюстрирует связь ритуала с представлениями о магических воздействиях, вызываемых обрядами. Весь ритуал церемониален и торжествен. Он стремится стать священным или сделать священным содержание, с которым он связан. Следовательно, в примитивном обществе именно при помощи ритуала прививаются чувства благоговения, почтения к авторитету, послушности традиции и дисциплинарной кооперации. Ритуал осуществляет постоянное внушение, и это внушение сразу приводится в действие в актах. Ритуал, следовательно, внушает чувства, но никогда не прививает доктрины. Сильнее всего ритуал тогда, когда он наиболее поверхностен и не пробуждает никаких мыслей. Благодаря знакомству с ритуалом любая доктринальная отсылка, которую он когда-то имел, утрачивается, а привычки сохраняются. Примитивная религия ритуалистична, но не потому что религия создает ритуал, а потому что ритуал создает религию. Ритуал – это что-то такое, что нужно сделать, а не что-то, что нужно мыслить или чувствовать. Люди всегда могут выполнить предписанный акт, хотя не всегда могут помыслить предписанные мысли или почувствовать предписанные эмоции. Эти акты могут вновь вызывать по ассоциации состояния ума и чувства, которые были с ними связаны, особенно в детстве, когда фантазия легко увлекалась обрядами, музыкой, пением, драмами и т.д. Никакое вероучение, никакой моральный кодекс, никакая научная демонстрация никогда не имели над людьми такой власти, как привычки действия с присоединенными к ним чувствами и состояниями ума, усвоенные в детстве. Магометанство показывает могущество ритуала. Любое занятие мгновенно прерывается ради

молитв и предписанных коленопреклонений. Сложный повседневный ритуал соблюдают и брамины. Они посвящают ему два часа утром, два вечером и один в полдень¹. Монахи и монахини получали высочайшее удовлетворение религиозного чувства от нерушимой привычки повторять ритуал с гарантированной возможностью его эмоциональных эффектов.

68. Ритуал нравов. Нравы – это социальный ритуал, в котором все мы, не сознавая того, участвуем. Текущие привычки в отношении часов работы, обеденных часов, семейной жизни, общения полов, соблюдения приличий, развлечений, путешествий, праздников, воспитания, пользования периодикой и библиотеками и бесчисленных других деталей жизни подпадают под этот ритуал. Каждый делает то, что делает каждый. Для огромной массы человечества во всем и для всех нас очень во многом достаточно правила поступать так, как поступают все. Внушение и ассоциация приводят нас к мнению, что в том, что делают все, должны заключаться мудрость и польза. Огромная масса народных обычаев дает нам дисциплину и поддерживает рутину и привычку. Если бы нам приходилось выносить суждение обо всех этих случаях, прежде чем смочь в них действовать, и приходилось всегда действовать рационально, то этот груз был бы невыносимым. Благотворные привычка и обыкновение спасают нас от этого затруднения.

72. Мощь (*might*) и право. Современные цивилизованные государства наилучшей формы часто называют правовыми государствами, поскольку во все их конституции и регуляции массивно входит понятие прав. Вокруг этого понятия сосредоточивается наша политическая философия, и все наши общественные обсуждения укладываются в форму положений и споров о правах. История догмы о правах была следующей: считалось, что права самоочевидны и существуют сами собой и что особенно они преобладали в примитивном обществе. Права считаются также противоположностью силы. Эти понятия лишь доказывают непримиримость наших нравов с нравами прежних поколений. В самом деле, для наших нравов характерно, что форма нашего мышления по всем вопросам политической философии установлена для нас понятием прав. Не что иное как мощь всегда создавала право, и если мы включим в мощь (как и следует сделать) выборы и решения судов, то не что иное как мощь создает право и сегодня.

¹ *Wilkins W.J.* Modern Hinduism: being an account of the religion and life of the Hindus in northern India. – New York: Scribner, Welford, & Co., 1887. – P. 195.

Надобно проводить различие между предшествующим и последующим видением обсуждаемого предмета. Если мы хотим предпринять некое действие и обсуждаем его правомерность, то мощь, которую можно привлечь в поддержку некоторого его видения, не имеет ничего общего с его правомерностью. Если что-то было сделано и установлено силой (т.е. никакая сила не может это отменить), то оно право в единственном смысле, который мы знаем, и из него следуют права, вообще не опорочиваемые заключенной в нем силой. Для прав вообще не было бы никаких гарантий, если бы это было не так. Мы видим, как люди и партии протестуют, декламируют, жалуются на то, что делается и что, по их словам, не «право», а только сила. Выборы решают, что мощь будет у тех, кто будет осуществлять акт полиции. Проигравшая партия обличает неправоту и порочность этого акта. Но дело делается. Это может быть война, завоевание, захват имущества; каждый должен этому помогать, выплачивая налоги, неся военную службу, выполняя иной долг, которого от него требуют. Решение суда оставляет одну сторону протестующей и жалующейся. Она всегда твердит о «праве» и «правах». Она вынуждена смириться. Результат – право, в единственном реальном и истинном смысле. Нелишне заметить, что далее следует бесконечный ряд последствий и что они создают или обуславливают права, которые реальны и справедливы. Многие люди сегодня спорят против собственности, говоря, что она зачалась в силе и, следовательно, не имеет существования в праве и справедливости. То же самое они могли бы сказать о браке и о религии. Некоторые говорят то же самое о государстве. Война Соединенных Штатов с Мексикой в 1845 г. считается теперь в общем мнении неоправданной. Это не может повлиять на всякого рода права, договорным образом установленные на территории, уступленной тогда Мексикой, и на статус этих земель, полученный благодаря договору о мире с этой страной. Вся история человечества – серия действий, открытых для сомнения, спора и критики по поводу их правомерности и справедливости, но всей дальнейшей истории приходилось принимать последствия этих действий и идти дальше. Спорщики о «правах» часто теряют из виду тот факт, что мир день за днем должен продолжаться, а спор – завершаться. Он всегда завершается в силе. Результат всегда оставляет какие-то жалобы касательно права и прав. Они перевешиваются какой-нибудь силой. Следовательно, мощью создавалось все правильное, что когда-либо существовало или существует сегодня. Если предлагается отменить, реформировать или изменить что-то ранее сле-

ланное на том основании, что теперь мы считаем, что это было неправильно, то это уже новый вопрос и новый случай, и здесь уместно только предшествующее видение. Именно ради новых и будущих случаев мы изучаем исторические случаи и формируем суждения о них, которые позволят нам действовать мудрее. Если мы признаем, в сколь огромной степени сила ныне входит во все, что происходит в обществе, то нас уже не будет шокировать знание того, насколько она была действенной во всей истории цивилизации. Привычка использовать правовые понятия, столь характерная для наших сегодняшних нравов, уводит нас в смутные и невозможные грезы о социальных делах, в которых метафизические понятия предполагаются реализующимися сами по себе, или полагаются реальными.

74. Конвенционализация. Когда традиционные народные обычаи подвергаются рациональной или этической оценке, они перестают быть наивными и неосознанными. Тогда может okazaться, что они грубы, нелепы и нецелесообразны. Тем не менее они все еще могут сохраняться благодаря конвенционализации. Конвенционализация создает набор условий, при которых могут терпеть то, что иначе было бы осуждено и табуировано. Либо могут быть созданы особые фактические условия, либо это может быть всего лишь фикция, которую все согласны уважать и считать истиной. Когда дети во время игры «понарошку считают», что нечто существует или существует определенным образом, они пользуются конвенционализацией. Фактически создаются особые условия, когда некий факт рассматривается как делающий обычное табу недействительным. Так обстоит дело со всеми архаическими обычаями, которые соблюдаются ввиду древнего происхождения, хотя и не согласуются с современными стандартами. В языке Шекспира и Библии содержатся слова, которые сегодня табуированы. В этом случае, как и во множестве других, конвенционализация состоит в игнорировании нарушения текущих стандартов благопристойности. Естественные функции и туалетные дела подводятся под конвенционализацию даже в низших цивилизациях. Конвенционализация состоит в игнорировании нарушений обычных табу. Ввиду случайностей, которые могут произойти, хорошо воспитанные люди всегда готовы применить конвенционализацию к промахам в речи, одежде, манерах и т.д. В легендах, сказках, романах и драмах от всех ожидается подчинение некоторым условным пониманиям, без которых развлечение невозможно; например, когда предполагается, что звери разговаривают. В

мифологиях этот вид конвенционализации имел принципиальное значение. Кому-то из нас при изучении мифологий доводится приобретать знание о конвенциональных допущениях, с которыми люди, в них верившие, к ним подходили. Современные индусы конвенционализируют истории из своей мифологии¹. То, что боги, как в них рассказывается, делали, подводятся под иные стандарты, чем те, которые ныне применяются к людям. В мифологии все движется в своей плоскости. Следовательно, о деяниях богов не выносятся рациональных или этических суждений, какие были бы вынесены о схожих действиях людей, и моральная порча, которой следовало бы ожидать как последствия этих историй и драм, предотвращается конвенционализацией. Из того, что делают боги, не выводится то, что можно делать людям. Греки V века до н.э. рационализировали по поводу своей мифологии, и тем самым ее разрушили. Средневековая церковь притязала на то, чтобы быть под защитой конвенционализации, не допуская суждений о церкви и церковниках в соответствии с тогдашними стандартами. Очень многие принимали в расчет эту конвенционализацию и не делали скандала из порока и преступлений в церкви. Это вмешательство конвенционализации, вытесняющее действия из обычного царства нравов в особую область, где они могут быть под защитой и встречать терпимое отношение благодаря видоизмененным в их пользу кодексам и стандартам, имеет очень большое значение. Оно объясняет многие несогласованности в нравах. За счет этого возможны обнаженность без непотребства и рассказы о супружеских изменах без непристойности. Мы блюдем конвенционализацию в отношении Библии, особенно некоторых историй Ветхого Завета. Массу примеров конвенционализации являет нам театр. Реплики «в сторону», входы и выходы, сценические условности требуют, чтобы зрители дали на эти условности свое согласие. Костюмы, появляющиеся на сцене, не встретили бы терпимого отношения в иных местах. За счет конвенционализации литература и графические изображения науки избегают коллизий с нравами благопристойности, достоинства и т.д. Во всех художественных произведениях более или менее присутствует конвенционализация. Нецивилизованные и в какой-то мере необразованные люди среди нас не могут рассказать, что изображает или означает та или иная картина, поскольку не привыкли к условностям изобразительного искусства. Древние сатурналии и карнавал были особыми

¹ *Wilkins W.J.* Op. cit. – P. 317.

временами вседозволенности, когда обычные социальные ограничения ослаблялись на какое-то время конвенционализацией. Да и наш праздник 4 июля – это день шума, риска и раздраженности, когда дозволяются вещи, которые не были бы дозволены в любое другое время. Мы соглашаемся с этим, ведь «это 4 июля». История свадебных церемоний преподносит массу примеров конвенционализации. По этому случаю терпели шуточки и фиглярство. Они настолько досаждали, что люди взбунтовались против них и изобрели средства, позволяющие их избегать. Одежда, используемая для купания, спорта, театра и работы, оберегается конвенционализацией. Случай требует отклонения от текущих обыкновений, и конвенционализация, даруя терпимость, также определяет его и создает новый закон для данного исключительного случая. Это похоже на табу, да по сути и есть форма табу в высокоразвитой цивилизации. Как и в табу, здесь есть два аспекта: конвенционализация бывает разрушительной или защитной. Она либо исключает то, что могло бы быть оскорбительным (т.е. когда нечто может быть сделано лишь при условиях, установленных конвенционализацией), либо гарантирует терпимость к тому, что иначе было бы запретным. Уважение, почтение, священность и святость, являвшиеся в низшей цивилизации табу, становятся в высокой цивилизации условностями.

75. Необходимость конвенций. Конвенциональность часто клеймят как неистинную и лицемерную. Говорят, что нужно быть естественными. На респектабельность часто смотрят с усмешкой, поскольку она складывается из условностей. Конвенционализации, которые сохраняются, возникают из экспериментов и опыта касательно средств, с помощью которых смягчаются и сглаживаются различные жизненные детали. Они незаменимы. Осуждать облачения – все равно что пытаться упразднить их.

Глава II. Характеристики нравов

80. Нравы имеют силу фактов. Нравы являются к нам из прошлого. Каждый индивид, рождаясь, вступает в них, как в тот воздух, которым он дышит; и как не анализирует он окружающую его атмосферу, так же не задумывается о нравах и не критикует их. Каждый подчинен влиянию нравов и формируется ими прежде, чем обретает способность о них размышлять. Могут возразить, что все традиции критикуются, по крайней мере в наши дни, и ничто не принимается на том лишь основании, что оно нам вручено. Но

если взять случаи, когда что-то целиком или почти целиком вошло в нравы, то мы увидим, что это не так. Среди нас есть секты поклонников свободной любви, желающие обсуждать парный брак (§ 374). Это не просто люди, ведущие дурную жизнь. Они приглашают нас к рациональному обсуждению унаследованных нами обычаев и идей относительно брака, которые, утверждают они, вовсе не настолько превосходны и возвышенны, какими мы их считаем. Они никогда не добивались серьезного внимания. Некоторые другие желают выступать в пользу полигамии – на основаниях целесообразности. Никто их даже не слушает. Другие желают обсуждать собственности. Несмотря на некоторую литературную активность с их стороны, никакая дискуссия о собственности, завещании и наследстве так и не открылась. Собственность и брак заключены в нравах. Ничто никогда не может изменить их, кроме неосознанного и неощутимого движения нравов. Религия была первоначально заключена в нравах. Она стала общественным институтом и функцией государства. Сегодня она в значительной степени возвращена в нравы. С тех пор как законы с наказаниями, призванными навязать религиозные кредо или практики, вышли из употребления, каждый в отношении религии может мыслить и действовать так, как ему угодно. Стало быть, набрасываться на религию теперь не будет «хорошим тоном». Безбожные публикации ныне табуированы нравами и подавляются более действенно, чем когда-либо прежде. Они не порождают никаких прений. В наших американских нравах заключена и демократия. Это продукт наших физических и экономических условий. Невозможно обсуждать и критиковать ее. Она прославляется ради популяризации и подчинена дифирамбической риторике. Никто не трактует ее с полной прямоотой и искренностью. Никто не осмеливается анализировать ее так, как анализировал бы аристократию или автократию. Никто не стал бы его слушать, и он только навлек бы на себя ругань. Что надобно отметить во всех этих случаях, так это то, что массы противопоставляют каждому аргументу против нравов глухие уши. Только в той мере, в какой вещи переносятся из нравов в сферу законов и позитивных институтов, появляются их обсуждения и рационализации по их поводу. Нравы содержат норму, в соответствии с которой, если бы мы обсуждали нравы, то должны были бы выносить суждения о нравах. Мы усваиваем нравы так же бессознательно, как учимся ходить, есть и дышать. Массам совершенно неинтересно, как мы ходим, едим и дышим, и точно так же они никогда не знают, почему нравы таковы, каковы они есть.

Обоснование их состоит в том, что когда мы пробуждаемся к сознательной жизни, они оказываются для нас фактами, уже заключившими нас в объятия традиции, обычаи и привычки. Нравы содержат воплощаемые ими понятия, доктрины и максимы, но сами являются фактами. Они все в настоящем. Они не имеют отношения к тому, что должно быть, будет, может быть или когда-то было, если этого нет в настоящем.

82. Нравы не занесены в скрижали. Общество никогда не сознает свои нравы до тех пор, пока не входит в контакт с каким-то другим обществом, в котором царят иные нравы, или – если находится на более высокой ступени цивилизации – пока не получает информацию о них из литературы. Однако последняя операция воздействует только на грамотные классы, а не на массы, и общество никогда не приступает к задаче создания нравов осознанно. На ранних стадиях нравы эластичны и пластичны; позже они закаливаются и фиксируются. Словно они растут, набирают силу, портятся, увядают и умирают, как если бы были организмами. Эти фазы, похоже, следуют одна за другой с непреложной необходимостью, словно независимые от разума и воли затронутых людей, но изменения всегда порождаются тягой к лучшему приспособлению нравов к условиям и интересам общества или управляющих им элементов. Общество не записывает нравы в свои анналы, ибо они им не замечаются и не осознаются. Когда мы пытаемся узнать нравы какой-то эпохи или народа, нам приходится искать нужные нам сведения в случайных ссылках, намеках, наблюдениях путешественников и т.д. Как правило, художественные произведения, драмы и т.д. дают нам больше информации о нравах, чем исторические документы. Очень трудно выстроить из Ветхого Завета описание нравов евреев до Вавилонского пленения. Также очень трудно нарисовать полную и точную картину нравов английских колоний в Северной Америке XVII столетия. Нравы не заносятся в скрижали по той же причине, по которой не записываются такие вещи, как еда, укладывание в кровать, восход солнца и т.д., если только регулярный ход вещей как-то не нарушается.

83. Инертность и ригидность нравов. Мы видим, что нравы следует толковать как обширную систему обычаев, охватывающих всю жизнь и обслуживающих все ее потребности; в них также содержится их собственное обоснование традицией и привычкой; и они одобряются мистическими санкциями, пока посредством рациональной рефлексии не разработают свои философские и этические обобщения, возведенные в «принципы» истины и пра-

воты. Они оказывают принуждающее и сдерживающее влияние на новое поколение. Они не наводят на размышления; скорее наоборот. Мышление уже состоялось и воплотилось в них. Они никогда не предусматривают возможности для поправок. Это не вопросы, а ответы на жизненные проблемы. Они являют себя как окончательные и неизменные, так как дают ответы, преподносимые в виде «непререкаемой истины». Никакая философия мира до современной научной философии мира, да и то лишь поколение или два тому назад, никогда не преподносила себя как, возможно, переходную, наверняка неполную и обреченную на отбрасывание завтра приращением знания. Никакая популярная философия мира и жизненная политика никогда не может преподносить себя в таком свете. Это стоило бы слишком большого умственного напряжения. Все группы, нравы которых мы считаем намного низшими по сравнению с нашими, так же ими довольны, как мы довольны своими. Хороши нравы или плохи, всецело зависит от их приспособленности к жизненным условиям и интересам времени и места (§ 63). Следовательно, если нравы не вызывают размышлений и все инстинктивно их соблюдают, то это признак непринужденности и благополучия. Народы Юго-Восточной Азии демонстрируют нам такую устойчивость нравов, где элемент стабильности и ригидности становится главенствующим. Страх перед духами и почитание предков обычно придают нравам устойчивость посредством догматического авторитета, строгих табу и весомых санкций. В этом случае нравы теряют свою естественность и живость. Они становятся стереотипными. Они теряют всякую связь с полезностью, превращаются в самоцель. Они навязываются повелительным авторитетом, невзирая на интересы и условия жизни (каста, детские браки, вдовы). Всякий раз, когда общество оказывается во власти этой болезни нравов, оно дезинтегрируется, прежде чем сможет начать жизнь заново. При таком недуге, поражающем нравы, все воспитание и обучение сводится к запоминанию слов мудрецов прошлого, установивших формулы нравов. Эти слова – «священные скрижали», изрекающие правила поведения, коим надлежит подчиняться, невзирая на наличные интересы и всякие разумные соображения.

84. Устойчивость. Азиатское окостенение нравов – крайний случай, однако для нравов всегда характерен элемент устойчивости. Они эластичны и гибки, но, закрепившись однажды в привычном и постоянном использовании, противятся изменениям. Они придают стабильность социальному порядку в том случае,

когда легко доступны для понимания, устойчивы и не вызывают споров. В новой колонии с разбросанным населением нравы никогда не бывают фиксированными и суровыми. Есть много «свободы». Поскольку в колонии всегда присутствуют традиции нравов материнской страны, которые почтительно лелеют, но никогда не применяют к условиям колонии, то нравы колонии разнородны и всегда находятся в текучем состоянии. Дело в том, что колонисты все время учатся жить в новой стране и не имеют традиций, которые бы их направляли, а традиции старой страны им мешают. Каждый, кто вырос в новой стране, при возвращении на старую родину чувствует «консерватизм» в ее нравах. Он думает, что люди скованы, закостенели в своих обычаях, глупы и не желают учиться. Они же думают, что он груб, неотесан и невоспитан. Он не знает ритуала, который не может быть записан ни в каких книгах, но знание которого, приобретаемое долгим опытом, есть признак годного членства в обществе.

88. Изменчивость. Не менее примечательна, чем устойчивость нравов, их изменчивость. Здесь есть любопытная параллель с наследственностью и изменчивостью в органическом мире, даже если сама по себе эта параллель еще ничего не значит. Изменчивость нравов обусловлена тем, что дети не воспроизводят нравы точно такими же, какими их получили. Отец умирает, а сын, воспитанный им, даже продолжая соблюдать ритуал и повторяя формулы, не переживает в точности тех же идей и чувств, какие были у отца. Соблюдение воскресенья; обращение с родителями, детьми, слугами, женами и мужьями; праздники; развлечения; искусства роскоши; брак и развод; употребление вин – во всех этих вопросах в наше время легко заметить изменение нравов от поколения к поколению. Даже в Азии, если взять большой период времени, изменения в нравах ощутимы. Нравы меняются, так как меняются условия и интересы. Выясняется, что догмы и максимы, которые долгое время были в ходу, не подтверждаются, что установленные табу – бесполезные или вредные ограничения, что привычки, пригодные для деревни или колонии, не подходят для больших городов или государства, что многие вещи, уместные в богатом сообществе, неуместны для бедного, что новые изобретения сделали новые образы жизни более экономичными и здоровыми. Для процветания надо, чтобы нравы обладали достаточной степенью прочности, но столь же нужно и то, чтобы они были достаточно эластичными и гибкими для приспособления к изменениям в интересах и жизненных условиях. Скотоводческий или зем-

ледельческий народ, перебираясь в новую страну, богатую дичью, может обратиться к охотничьей жизни. Так сделали, двигаясь на север, тунгусы и якуты¹. На заре заселения Северной Америки многие белые «индианизировались»; они прикипали к образу жизни индейцев. Иранцы отделились от индийцев Хиндустана и стали земледельцами. Они приняли новую религию и новые нравы. Люди, боявшиеся могущественных врагов, обращались к жизни на деревьях, в свайных постройках на озерах, в пещерах и совместных домах. Средневековое крепостничество было обусловлено необходимостью силы для удержания крестьянина на его участке земли, когда этот участок был реально для него бременем ввиду податей, которые он должен был платить. Он сбежал бы, если бы его не удерживали силой. В позднем Средневековье виллан обрел в своей земле ценное право и собственность. В этом случае он нуждался в гарантиях землепользования, так чтобы его нельзя было прогнать с его земли. В ранний период долгом господина были охота на дичь и защита крестьянских посевов. В поздний период охота на дичь стала монопольным правом господина. Таким образом, жизненные условия меняются. Меняется экономическая конъюнктура. Меняется жизненная конкуренция. И интересы меняются вместе с ними. Все нравы приспособляются к этому, если только они не были фиксированы догмой с помощью мистических санкций, став в итоге ритуальными обязательствами, как это в целом имеет место сегодня в Юго-Восточной Азии. Права сторон, а также правильность и неправильность в поведении после того, как нравы приспособились к новым жизненным условиям, являются новыми дедукциями. Следом приходят философы с их системами; с помощью них они пытаются истолковать весь новый порядок действий и мыслей в соотнесении с какой-то мысленной тканью, которую они предпосылают нравам, хотя она была найдена после того, как нравы установили эти связи. В случае, когда фиксированные нравы не согласуются с новыми интересами и потребностями, возникает кризис. Моисей, Зороастр, Ману, Солон, Ликург и Нума – это либо мифические, либо исторические культурные герои, которые, как говорят, разрешили такие кризисы новыми «законами» и снова привели общество в движение. Фикция

¹ *Hiekish C.* Tungusen: eine ethnologische Monographie. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1897. – S. 31; *Сеповцевский В.Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. – Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1896. – Т. 1. – С. 415.

вмешательства бога или героя необходима для объяснения того, как нравы предков перестраиваются без преступления.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru